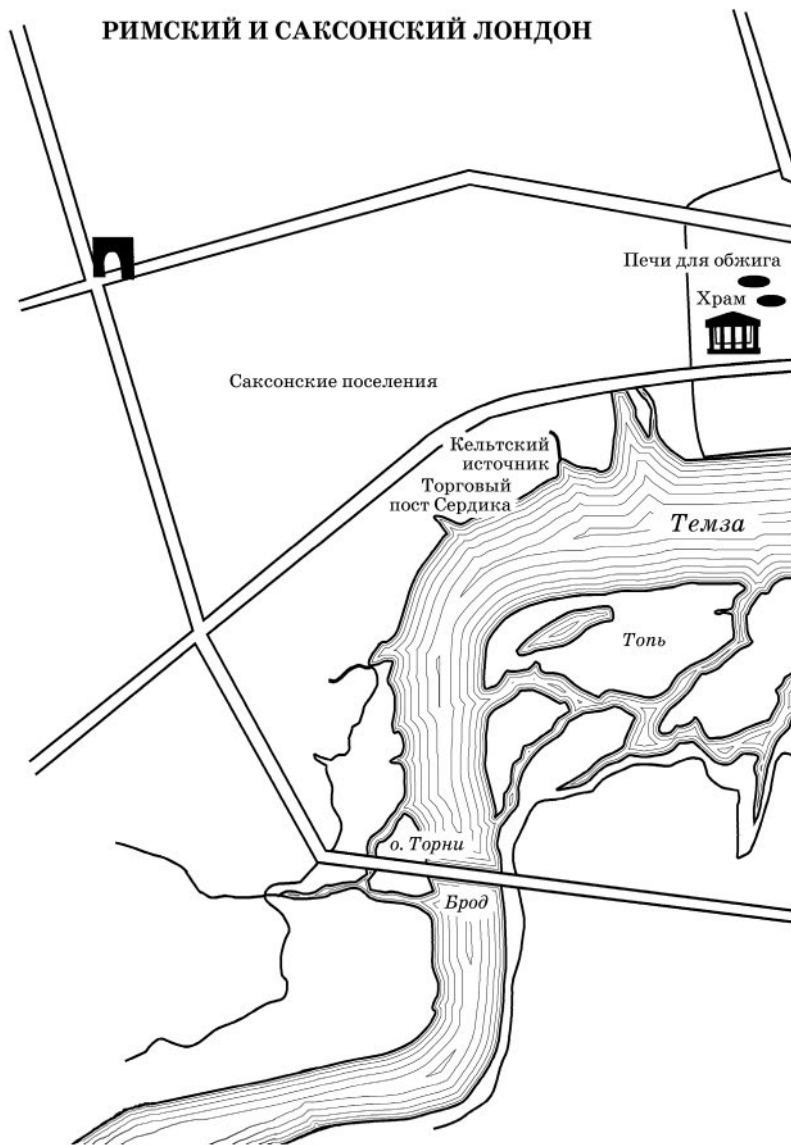

*Эта книга посвящена
кураторам и персоналу Музея Лондона,
где оживает история*

РИМСКИЙ И САКСОНСКИЙ ЛОНДОН

Печи для обжига

Храм

Саксонские поселения

Кельтский
источник
Торговый
пост Сердика

Темза

Топь

о. Торни

Брод

В Колчестер

Амфитеатр

Форум

Храм
Митры

Дворец
губернатора

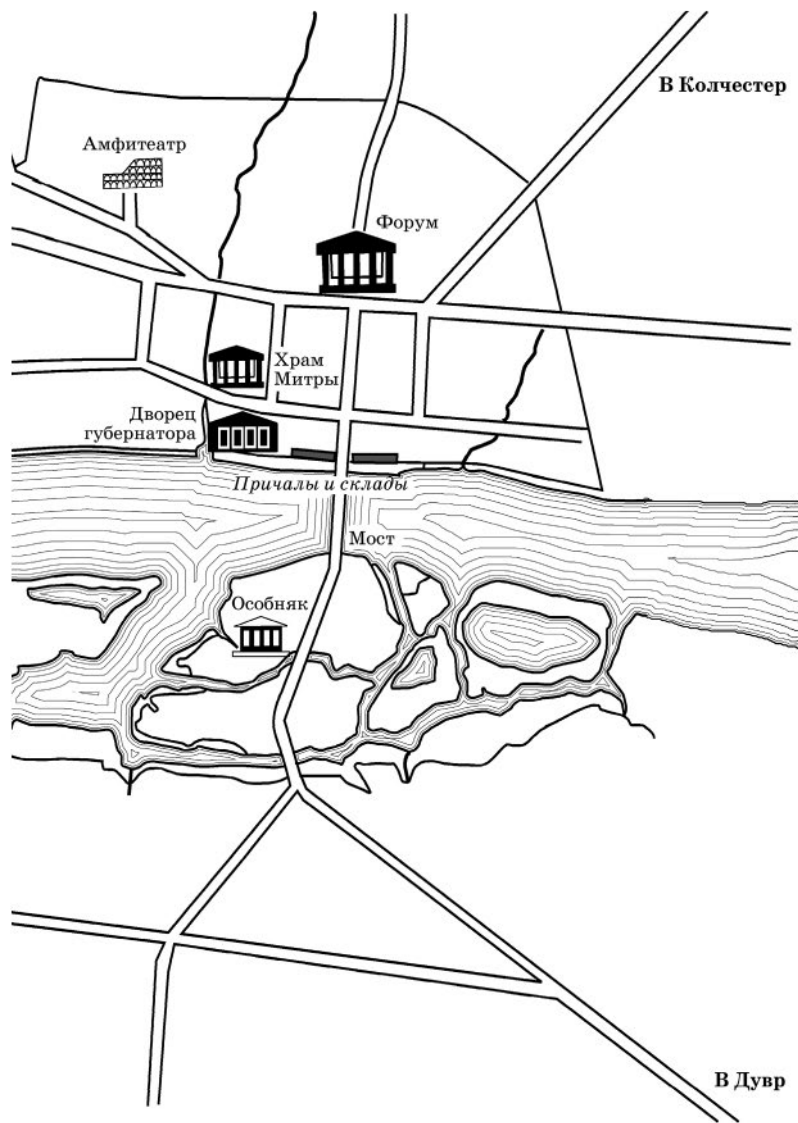
Причалы и склады

Мост

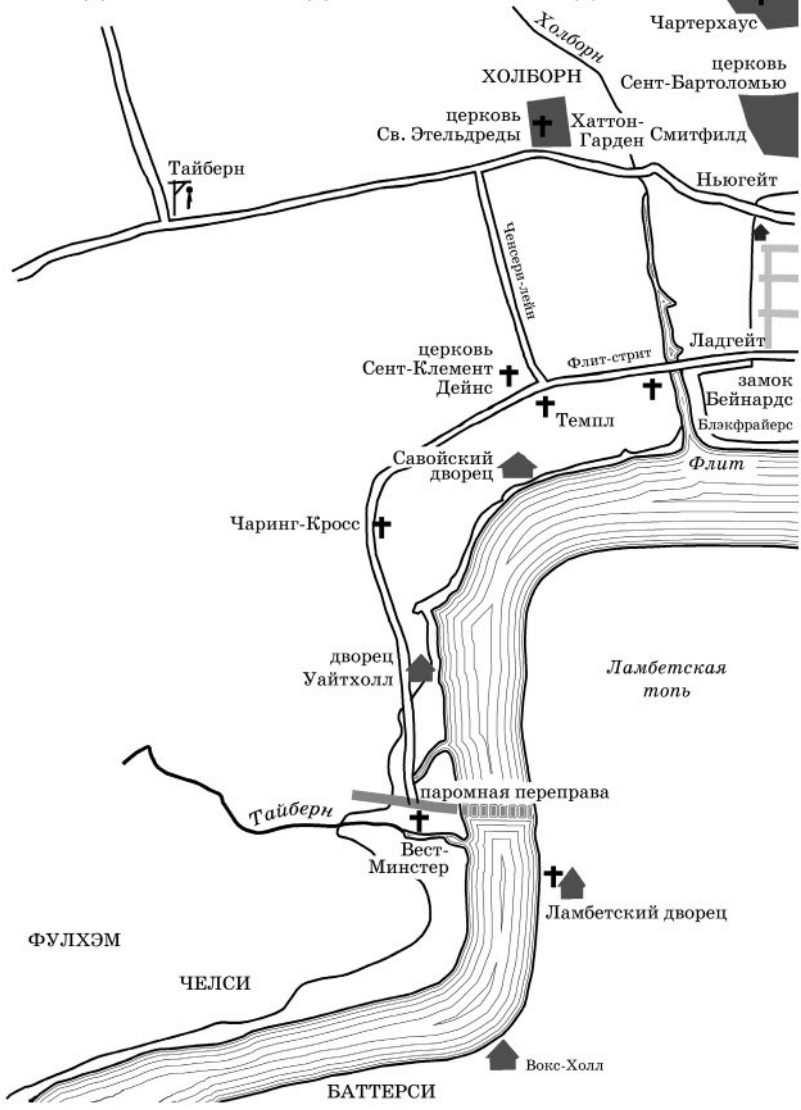
Особняк

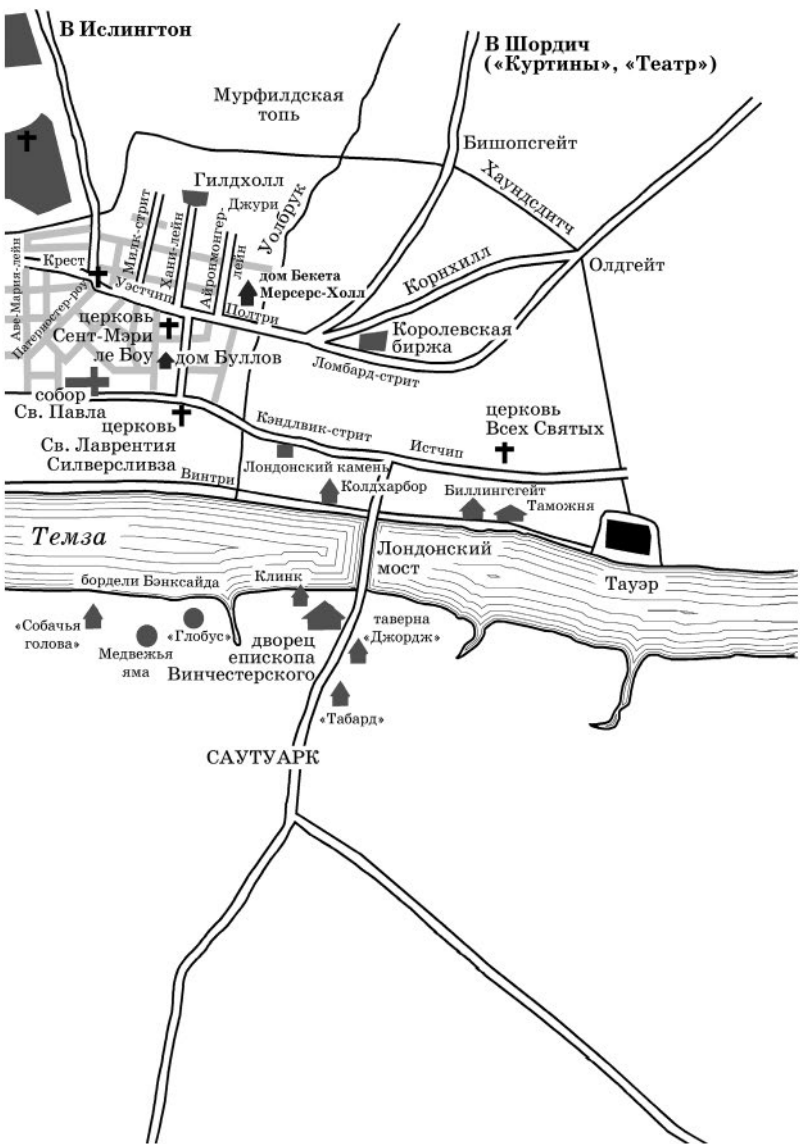

В Дувр

ЛОНДОН ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ТЮДОРОВ

В Ислингтон

В Шордич
(«Куртины», «Театр»)

Мурфилдская топь

Бишопсгейт

Гилдхолл

Хаундсдич

Джури

Уолбрук

Корнхилл

Олдгейт

Крест

Уэстчип

церковь Сент-Мэри ле Боу

дом Буллов

дом Бекета

Мерсерс-Холл

Королевская биржа

Подтри

Ломбард-стрит

собор Св. Павла

церковь Св. Лаврентия Силверслива

Кэндлвик-стрит

церковь Всех Святых

Истчип

Лондонский камень

Биллинггейт

Винтри

Колдхарбор

Таможня

Темза

бордели Бэнксайда

Клик

«Собачья голова»

Медвежья яма

«Глобус»

дворец епископа Винчестерского

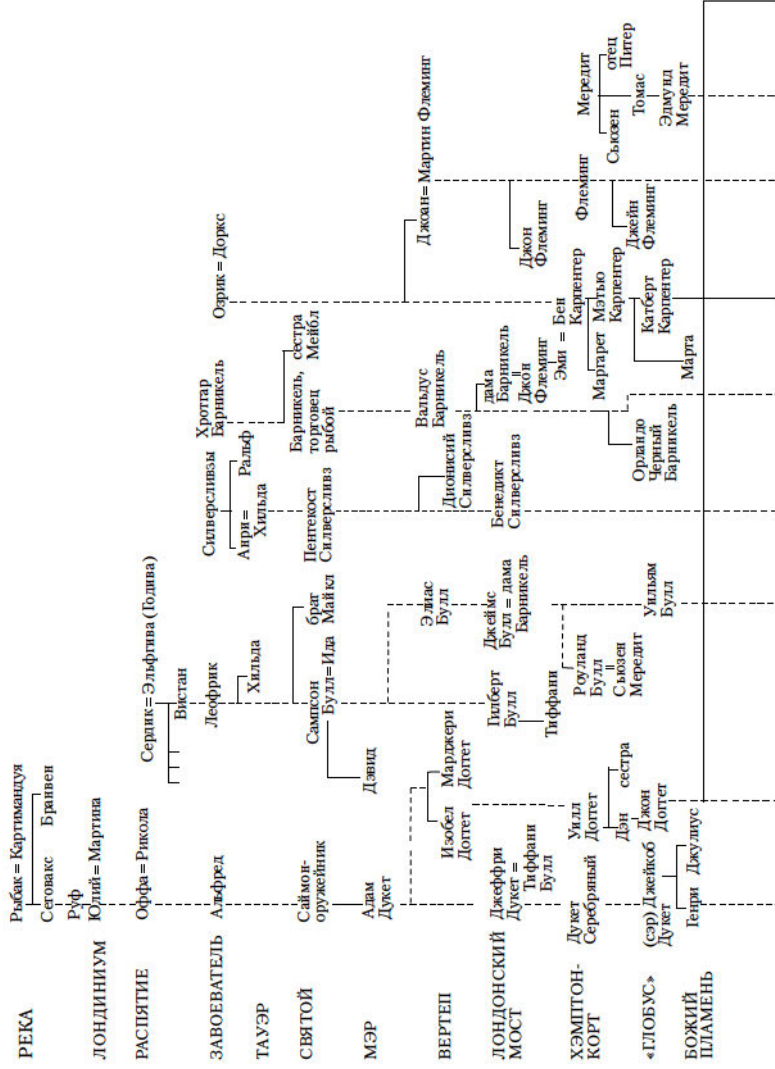
таверна «Джордж»

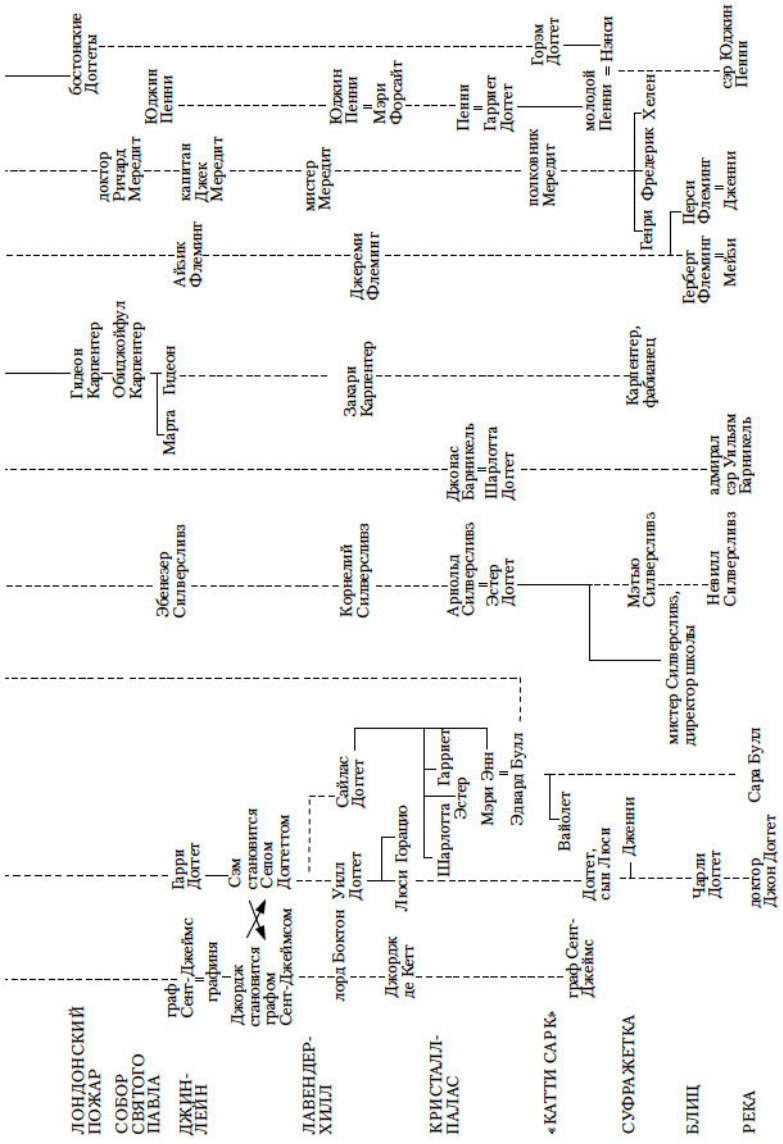
«Табард»

Лондонский мост

Тауэр

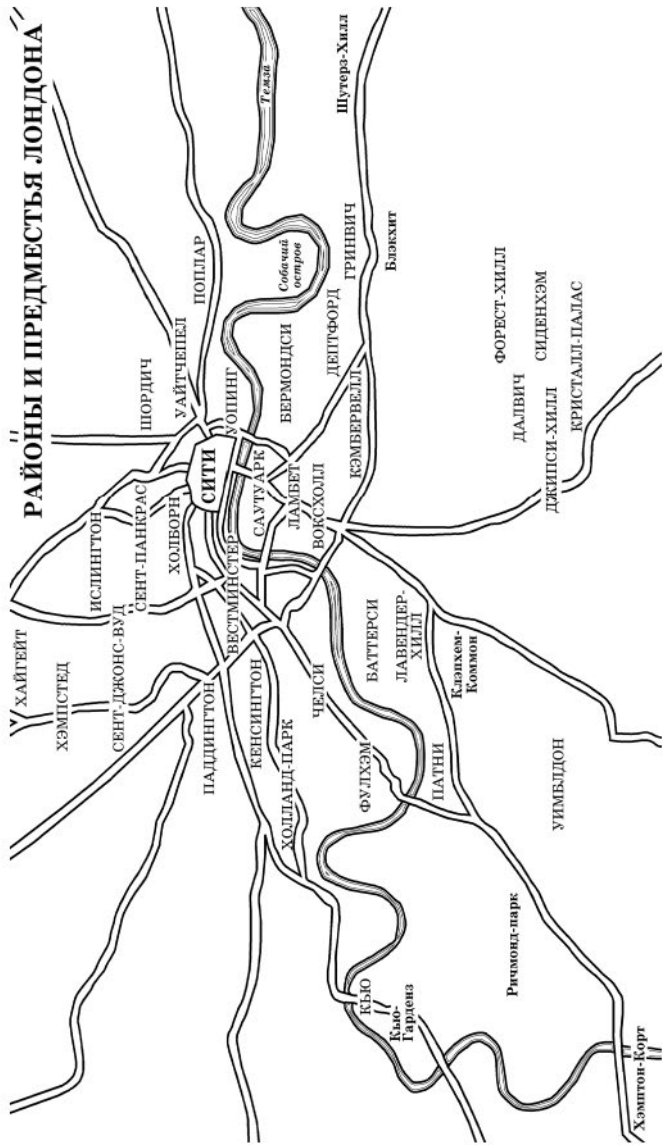
САУТУАРК

РАЙОНЫ И ПРЕДМЕСТЬЯ ЛОНДОНА

Предисловие

«Лондон» — это прежде всего роман. Все семьи, судьбы которых прослеживаются по ходу повествования, — от Дукетов до Пенни — являются вымышленными, как и их роли в описанных исторических событиях.

Рассказывая об этих никогда не существовавших семьях в ретроспективе столетий, я попытался поместить их в гущу людей и фактов либо реальных, либо возможных. В отношении исторических деталей мне иногда приходилось прибегать к домыслам. Так, нам никогда, вероятно, доподлинно не узнать, где именно Юлий Цезарь пересек Темзу; однако автору представляется самым логичным место, где ныне находится Вестминстер. Таким же образом, хотя нам известны политические условия, в которых епископом Меллитом был основан в шестьсот четвертом году собор Святого Павла, я счел себя вправе додумать на собственный лад тогдашнюю ситуацию в саксонском Лунденвике. Для эпохи позднейшей, где речь идет о тысяча восемьсот тридцатом годе, я придумал и ввел избирательный округ Сент-Панкрас, чтобы дать моим героям возможность опротестовать состоявшиеся в том году выборы.

В общем и целом, начиная с Нормандского завоевания, о Лондоне и его отдельных обитателях накоплено так много сведений, что автор не испытывал нехватки в подробностях и только время от времени чуть адаптировал сложные события к ткани повествования.

Названия основных лондонских зданий и церквей почти всегда сохранялись. Также наименования многих улиц восходят еще к саксонским временам. А там, где они изменились, сей факт объясняется по ходу рассказа; если же это грозило путаницей, я просто указывал самое ходовое современное.

В романе допущены следующие вольности: торговый пост Сердика Сакса произвольно помещен на месте нынешнего отеля «Савой»; дом под знаком Быка ниже церкви Сент-Мэри ле Боу лишь предположительно соседствует или пребывает на месте таверны Уильямсона; церковью Святого Лаврентия Силверсливза могла быть любая из нескольких окрестных церквушек, сгинувших после Великого пожара; «Собачьей головой» мог являться любой из многих публичных домов района Бэнксайд.

Однако я позволил себе перенести современную Мраморную арку в эпоху, когда ее сегодняшнее место было перекрестком римских дорог. Нет ничего невозможного в ее существовании уже тогда, но ее остатки еще предстоит обнаружить!

Что до вымышленных семейств, то в истории Лондона оставили след многие Доггеты и Дукеты. Подлинные носители этих имен, в частности знаменитый Доггет, устроитель регаты на приз Плаща и Значка на Темзе, упоминаются лишь иногда и очевидно отличаются от выдуманных. Родословные древа последних и наследственные физические особенности являются, конечно, плодом авторского воображения и созданы по требованию сюжета.

Булл — распространенная английская фамилия; Карпендер — типичная профессиональная, как Бейкер, Пейнтер, Тейлор и десятки других¹. Читатели моего ро-

---

¹ Плотник, пекарь, маляр и портной соответственно. — *Здесь и далее прим. перев., кроме особо оговоренных.*

мана «Сарум» могут признать в Карпентерах родство с Мейсонами — «каменщиками». Еще одна часто встречаемая фамилия — Флеминг — имеет, предположительно, фламандское происхождение. Мередит — фамилия уэльская, а Пенни — возможно, хотя и не обязательно, — гугенотская. Редкая же фамилия Барникель, которая тоже фигурирует в «Саруме», восходит, скорее всего, к викингам, а ее происхождение связано с прекрасной легендой. Эту фамилию использовал Диккенс (Барнакли¹), но в довольно уничижительном ключе. Надеюсь, я обошелся с ней немного лучше.

Однако фамилия Силверсливз², как и носящее ее носатое семейство, является целиком вымышленной. В Средние века в ходу было много таких восхитительных говорящих фамилий, которые, увы, большей частью остались в прошлом. Силверсливзы отдают дань этой старой традиции.

Писатель, задумавший роман о Лондоне, сталкивается с колоссальной трудностью: обилием интереснейшего материала. У каждого лондонца есть в городе любимый уголок. Вновь и вновь возникает соблазн отвлечься и углубиться в ту или иную область, имеющую второстепенное значение. В Лондоне едва ли найдется приход, не способный обогатить сведениями такую книгу. Тот факт, что «Лондон» в значительной степени представляет собой историю всей Англии, побудил меня предпочесть одни районы другим, и остается только надеяться, что выбор не слишком разочарует многочисленных поклонников, кто знает и любит этот прекрасный из городов.

---

¹ Знатная и большая семья в романе «Крошка Доррит».

² *Силверсливз* (Silversleeves) — «серебряные рукава»; в переносном смысле обозначает страдающего хроническим насморком человека, который утирается рукавом, оставляя на нем следы. Но главный герой, беря ее, не понял насмешку и расценил как признание его достатка.

РЕКА

В начале времен здесь часто разливалось море.

Четыре миллиона лет назад материка располагались совершенно иначе. Остров являлся частью малого мыса на северо-восточной окраине огромной, бесформенной территории. Мыс, одиноко вдававшийся в великий Мировой океан, был пустынен, никто, кроме Бога, не созерцал его. Ни твари земной, крадущейся по суше, ни птицы в небесах, ни даже рыбешки в пучине.

В ту далекую эпоху отступившее море оставило после себя на юго-востоке мыса бесплодную местность — черную сланцевую плиту. Безмолвная и голая, лежала она подобно тверди неизвестной планеты, и серый камень перемежался лишь с мелкими заводами. Еще более древние силы, скрывавшиеся в недрах земли под сланцевой толщей, вознесли на две тысячи футов отлогий гребень, пересекавший ландшафт на манер исполтинского волнолома.

Таким это место сохранялось долго — серым и погруженным в немоту, исполненным неизвестности того же сорта, что свойственна бескрайней тьме перед рождением.

За восемь последовавших геологических периодов, когда смещались материка, сформировалась большая часть горных хребтов и возникла жизнь, ничто не потревожило территорию, на которой вздымался сланцевый гребень. Моря наступали и уходили. Одни были

теплыми, другие холодными. Каждое задерживалось на многие миллионы лет. И все оставляли по себе наслоения в сотни футов, из-за которых гребень, хотя и был высок, обрел покров, сгладился и схоронился в глубине, явив в итоге лишь слабый намек на свое существование.

Когда на Земле расцвела жизнь, растения заселили ее поверхность, а воды ее наполнились существами, планета принялась наращивать слои, образованные этим новым, органическим бытием. Огромное море, ушедшее примерно в эпоху исчезновения динозавров, оставило столько спрессованного неразложившегося мусора из планктона и рыбы, что мелом можно было покрыть значительную часть Южной Англии и Северной Франции, а толщина слоя составила бы около трехсот футов.

И вот над местностью, где был похоронен древний гребень, явился новый ландшафт.

Он имел совершенно иную форму. По мере того как приходили и уходили моря, а грандиозные системы подземных рек обретали на этом участке мыса выход, меловое покрытие преобразовалось в широкую и неглубокую низину миль двадцати в поперечнике с хребтами на юге и севере, которые расходились к востоку, образуя огромную букву «V». Эти разливы стали причиной новых наносов из гравия и песка, а один, представлявший собой тропическое море, оставил в центре впадины толстый слой отложений, который со временем приобретет известность как лондонская глина. Колебания уровня воды привели к тому, что позднейшие слои образовали в большой букве «V» дополнительные, несколько меньшие кряжи.

Такой была местность, предназначенная Лондону, примерно миллион лет назад.

Человека пока не было. Хотя его предок уже передвигался на двух ногах, но череп оставался сродни обезьяньему. И прежде чем появились люди, надлежало состояться еще некоторым великим событиям.

Речь идет о ледниковых периодах.

Суша менялась не в силу наступления ледников, а как раз наоборот, с потеплением. Всякий раз, когда лед начинал таять, переполненные им реки вскипали и колоссальные замороженные массы, подобные неспешным геологическим бульдозерам, бороздили низины, сминали холмы и вымывали гравий, наполняя своими водами образовавшиеся речные русла.

На момент этих преобразований маленький северо-восточный мыс огромного Евразийского континента скрывался подо льдом лишь отчасти. В своем наибольшем выступе ледяная стена заканчивалась на северном краю протяженной меловой буквы «V». Однако оледенение, достигшее этих пределов около полумиллиона лет назад, принесло один важный результат.

Большая вода текла в то время из центра мыса на восток и чуть забирала к северной части «V». Когда наступавший лед начал перекрывать ей ток, она — упрямая, холодная и полноводная — нашла себе другой выход, прорвавшись приблизительно в сорока милях к западу, где пролегал сланцевый гребень, сквозь слабый участок в меловом хребте, благодаря чему возникла теснина, известная ныне как Горинг-Гэп, после чего вода устремилась и растекалась на восток, к центру «V» — идеальному своемуместилищу.

Так родилась река.

В какой-то период наступления и отхода льдов появился Человек. Точное время сего события неизвестно. Река уже протекала сквозь Горинг-Гэп, но даже неандерталец еще не сформировался. Человек же современного вида развился не раньше последнего ледникового периода — чуть больше ста тысяч лет назад. Тогда-то по мере таяния ледовой стены он перебрался в низину.

Затем, немногим меньше десяти тысяч лет назад, нахлынули воды с подтаявшей арктической ледяной шапки, которые затопили равнину на восточной стороне мыса. Прорезав в меловых хребтах огромную букву

«J», они подмыли само его основание, создав узкий канал, выходявший на запад в Атлантику.

Итак, небольшой мыс превратился в остров, подобный некой северной версии Ноева ковчега после Потопа. Свободный, но вечно привязанный к побережью великого материка, частью которого он некогда являлся. На западе раскинулся Атлантический океан, на севере — холодное Северное море; по южному краю, откуда на соседний континент взирали высокие меловые скалы, возник Английский канал. Так, в окружении этих суровых морей, родился остров Британия¹.

Огромная меловая буква «V» теперь выходила не на восточную равнину, а в открытое море. Ее длинный рас­т­руб превратился в устье реки. На восточном краю сего эстуария меловые хребты поворачивали на север, оставляя с восточного фланга большую полосу низинных лесов и топей. По южной стороне примерно на семьдесят миль выступил продолговатый полуостров с высокими меловыми гребнями и плодородными долинами, образовавший юго-восточную оконечность острова.

Устье имело одну особенность. Морской прилив не только перекрывал реке выход, но и обращал ее вспять, гнал к сужавшейся воронке эстуария и дальше вверх, на приличное расстояние, переполняя канал; с отливом эти воды стремительно оттекали назад. По этой причине в низовьях реки возникало мощное приливное течение, а уровень воды колебался в пределах добрых десяти футов. Такое положение дел сохранялось на много миль вверх по реке.

В момент отделения острова здесь уже жил Человек; другие люди на протяжении последовавших тысячелетий тоже пересекали узкие, но опасные моря. Тогда-то и началась собственно человеческая история.

---

¹ Римское название сначала всех Британских островов; затем название только одного из них — Великобритании. Это название произошло от бриттов — основного населения страны.

На исходе холодной и звездной весенней ночи за пятьдесят четыре года до Рождества Христова на берегу реки остановилась полукругом и затихла в ожидании рассвета толпа из двухсот человек.

Зловещие новости пришли десять дней назад.

У края воды выделялась группа поменьше — пять фигур. Безмолвных и неподвижных, в одеждах длинных и серых, их можно было принять за каменные столбы. То были друиды, и они собирались провести обряд в надежде, что тот спасет остров и весь их мир.

Среди встретившихся на побережье оказались трое, каждый из которых, какие бы ни питал надежды и страхи в связи с нависшей угрозой, хранил свой личный и ужасный секрет.

Один из них был мальчик, вторая — женщина, третий — глубокий старец.

На протяженных речных берегах имелось много священных мест, однако дух великой реки нигде не присутствовал столь явственно, как здесь.

Здесь она встречалась с морем. Ниже поток, неуклонно расширяясь и рисуя огромные петли, пересекал открытую болотистую местность, пока миль через десять не вливался в продолговатую воронку устья, выходящую на восток, откуда вторгался в холодное Северное море. Вверх по течению река волшебным образом виляла между приятными лесами и пышными, ровными лугами. Но здесь, меж двух великих речных изгибов, на две с половиной мили простиралась самая благодатная полоса воды — в участке, где река утекала на восток единым величественным росчерком.

Здесь бывали приливы. На их пике, когда наступавшее море обращало течение, река разливалась на тысячу ярдов, в иное же время — всего на триста. В середине, на полпути по южному берегу, в болотистой мест-

ности, в поток вдавалась одинокая отмель, имевшая вид косы при отливе и превращавшаяся в остров на высоте прилива. Люди стояли точно на ее оконечности. Напротив, на северном берегу, раскинулась ныне пустынная местность, именовавшаяся Лондиносом.

Лондинос. Даже сейчас, при свете зари, очертания древнего места отчетливо различались через водную гладь: два низких и плоских холма, бок о бок возвышавшихся над береговой линией примерно на восемьдесят футов. Меж холмов струился скромный ручей. Слева, на западной стороне, поток покрупнее нисходил в широкую бухту, нарушавшую северный берег.

К востоку от холмов когда-то существовало небольшое городище, земляная стена которого, теперь опустевшая, могла служить сторожевым постом для обнаружения кораблей, идущих из устья. На западном холме друиды иногда приносили в жертву волов.

Сейчас там ничего не осталось. Брошенное поселение. Священное место. Люди осели на юге и севере. Народы, которыми правил великий вождь Кассивелаун, заняли обширные восточные территории выше устья. Племя кантиев, обосновавшееся на длинном полуострове к югу от оной, успело наречь эту область Кентом. Река выступала границей, а Лондинос являлся своего рода нейтральной территорией.

Происхождение названия было покрыто мраком. Одни говорили, что некогда здесь жил человек по имени Лондинос; другие предполагали, что оно относилось к небольшому земляному укреплению на восточном холме. Но точно не знал никто. Так или иначе, в какой-то момент последнего тысячелетия оно появилось.

Холодный ветер с устья продувал реку. Слабо и остро пахло илом и водорослями. Небо посветлело, и яркие утренние звезды начали меркнуть.

Мальчик содрогнулся. Он выстоял час и замерз. На нем, как и на большинстве собравшихся, была простая

шерстяная туника до колен, перехваченная кожаным поясом. Рядом стояли его мать с младенцем и сестренка, малютка Бранвен, которую он держал за руку, ибо в подобных случаях задача присматривать за ней возлагалась на него.

Он был смысленный, отважный паренек — темноволосяный и голубоглазый, как большинство кельтов. Звали его Сеговакс, ему было девять лет. Но если присмотреться, в его наружности открывались две необычные черты. Со лба свисала белая прядь, как будто кто-то мазнул ее краской. Такие наследственные метки имелись у представителей ряда семейств, населявших окрестные прибрежные деревушки. «Тебе не о чем беспокоиться, — заверила его мать. — Многие женщины считают это знаком везения».

Вторая особенность была куда причудливее. Если мальчик разводил пальцы, между ними на уровне первых суставов виднелась тонкая кожица, напоминавшая утиную перепонку. Эта черта тоже была наследственной, хотя проявлялась не во всех поколениях. Могло сложиться впечатление, что некий доисторический ген рыбовидного пращура Человека упорно отказывался полностью изменить водоплавающую сущность и продолжал обнаруживаться в этой мелочи. Действительно, огромные глаза и гибкое маленькое тело делали мальчика отчасти похожим на головастика или иное дитя воды, приспособившееся к выживанию за трудноопределимые эоны.

Таким же был и дед. «Но ему в младенчестве вырезали лишнюю кожу», — поведал жене отец Сеговакса. Та, однако, не вынесла мысли о ноже, и все оставили как было. Мальчика это не волновало.

Сеговакс покосился на свою семью: маленькую Бранвен с нежным нравом и приступами буйства, которых никто не мог обуздать; ребенка на руках у матери, только начавшего ходить и лепетать первые слова; саму мать, бледную и в последнее время необычно от-

решенную. Как же он их любил! Но вот он взглянул мимо друидов и чуть улыбнулся. У самой воды виднелся скромный плот, рядом с которым стояли двое мужчин. И один из них — его отец.

У них, отца и сына, было много общего. Белая прядка, одинаковые большие глаза. Отцовское лицо избородили морщины, похожие на чешую и придававшие ему сходство с неким серьезным рыбоподобным созданием. Был он так предан своей маленькой семье, столько знал о реке и так умело управлялся с сетями, что местные звали его просто Рыбаком. И Сеговакс понимал, что пусть другие мужчины были физически крепче, чем этот молчаливый малый с сутулой спиной и длинными руками, но на свете не найдется человека добрее. Отец был полон спокойной решимости. «Рыбак, быть может, на вид и невзрачен, — судили селяне, — но он никогда не сдастся». Сеговакс знал, что мать обожала отца. Он тоже.

Именно поэтому днем раньше он составил дерзкий план, который, если удастся его выполнить, по иронии судьбы мог стоять ему жизни.

Свечение над восточным горизонтом стало подрагивать. Через несколько минут взойдет солнце, и свет, излившийся с востока, затанцует на воде. Пятеро друидов, обратившись лицом к соплеменникам, негромко затянули песнь, а люди внимали.

Из толпы по сигналу выступил кряжистый человек. Богатый зеленый плащ с золотым шитьем и горделивая осанка выдавали знатное происхождение. В руках он держал плоский прямоугольный металлический предмет. Его гладкая поверхность поблескивала в прибывавшем свете. Мужчина передал его высокому белобородому друиду в центре.

Жрец повернулся к светившемуся горизонту, и старческая фигура взошла на плот. В тот же миг ожидавшие мужчины — отец Сеговакса и его напарник — ступили

туда же позади него и, отталкиваясь длинными шестами, погнали плот на середину широкого разлива.

Оставшиеся четверо друидов продолжали петь, и заунывный звук таинственно нарастал, растекаясь над гладью, покада деревянное сооружение уплывало вдаль. На сотню ярдов. На двести.

Явилось солнце — огромной багровой дугой над водой. Оно росло, его круг заливал реку золотым светом. Четверо друидов, ставших силуэтами на его фоне, внезапно превратились в великанов, едва их длинные тени простерлись к замершей в ожидании толпе.

Старший друид пребывал посреди реки; двое мужчин, вооруженных шестами, удерживали плот на месте вопреки течению. Холмы на северном берегу купались в красноватом солнечном свете. И вот, как некое древнее седобородое морское божество, восставшее из вод, высокий друид на плоту на середине реки поднял над головой металлический предмет так, чтобы ловить и отражать лучи.

Это был щит, изготовленный из бронзы. Хотя в основном оружие на острове изготавливалось из железа, бронза, более древняя и легкая в обработке, применялась для ритуальных изделий вроде этого, требовавших тонкого мастерства. Сей щит и был произведением искусства, посланным с доверенным лицом самим великим вождем Кассивелауном. Хитроумный узор вкупе с изнанкой, выложенной самоцветами, являли образчик филигранной кельтской работы по металлу, которой славилась эта земля. Это был лучший дар из всех, что могли преподнести богам островитяне.

Друид единым махом послал щит высоко над водой. Сверкнув, тот описал дугу и упал на яркую солнечную дорожку. Толпа издала вздох, когда река безмолвно приняла подношение и продолжила свой бег.

Но пока старый друид смотрел, случилось нечто странное. Вместо того чтобы пойти ко дну, бронзовый щит завис в чистой воде, едва погрузившись ниже по-

верхности. Его металлический лик блистал на свету. Сначала старец удивился, а потом смекнул, что причина чрезвычайно проста. Металл сильно истончили ковкой, а основа была из светлого дерева. Щит, покрытый лишь пленкой воды, обречен оставаться на плаву, пока не разбухнет древесина.

И было кое-что еще. Пока подкрадывался рассвет, течение повернулось вспять. Теперь оно устремилось не вниз по реке, а вверх, от эстуария — к участку в нескольких милях от Лондиноса. И потому щит, захваченный холодной полупрозрачной волной, неспешно плыл к верховью, как будто осторожно утягиваемый вглубь острова некой незримой рукой.

Старик смотрел и гадал о смысле знамения. Доброе оно или злое, с учетом грядущей опасности?

Угроза исходила от Рима. Она звалась Юлием Цезарем.

За тысячи лет, прошедшие с великого отступления льдов, остров Британия стал домом для нескольких народностей. То были охотники, простые земледельцы, создатели каменных храмов, таких же, как Стоунхендж, а в последние столетия племена, принадлежавшие к великой кельтской культуре Северо-Западной Европы. Островитяне процветали, гордые стихами и песнями бардов, сказаниями и танцами, металлическими изделиями поразительной красоты. Они обитали в прочных деревянных хижинах округлой формы, окруженных частоколом или кольцами высоких земляных стен. Выращивали ячмень и овес, держали скот, пили эль и крепкую медовуху. Их остров, скрытый мягкими северными туманами, оставался сам по себе.

Да, за сотни лет на этих берегах не раз высаживались торговцы из солнечного Средиземноморья, предлагавшие предметы роскоши в обмен на меха, рабов и знаменитых островных охотничьих собак. Последние поколения стали свидетелями оживленной торговли, ко-

торая наладилась в гавани на южном побережье, где от заброшенного древнего храма — Стоунхенджа — исходила еще одна река. Но невзирая на то что британским вождям нравилось от случая к случаю приобретать вино, шелка и римское золото, места, откуда текли эти богатства, оставались далекими и представлялись лишь смутно.

Но вот античный мир породил величайшего авантюриста, какого знала история.

Юлий Цезарь возжелал править Римом. Для этого он нуждался в завоеваниях. Лишь недавно он вторгся на север, дошел до самого Английского канала и основал новую, огромную римскую провинцию — Галлию. Затем полководец обратил взор к туманному северному острову.

И в прошлом году явился. В сопровождении скромного отряда, состоявшего в основном из пехоты, Цезарь лично высадился под белыми скалами юго-восточного побережья Британии. Вожди бриттов были предупреждены, но все равно пришли в трепет при виде вымуштрованных римских войск. Однако кельтские стражи проявили отвагу. Внезапными конными атаками с применением колесниц им удалось несколько раз заставить римлян врасплох. Одновременно буря повредила флот кесаря. После серии столкновений и маневров в прибрежном районе Цезарь отступил, и вожди ликовали. Боги даровали им победу. Когда пленные предупредили их, что то была лишь разведка, большинство бриттов не поверили.

Затем, однако, начали просачиваться новости. Строился новый флот. Поговаривали, что собиралось войско численностью не меньше пяти легионов и двух тысяч всадников. Десять дней назад в Лондиносе остановился гонец. Его донесение вождям было коротким и четким: «Цезарь идет».

Содержание

Предисловие	15
РЕКА	18
ЛОНДИНИУМ	76
РАСПЯТИЕ	132
ЗАВОЕВАТЕЛЬ	212
ТАУЭР	258
СВЯТОЙ	347
МЭР	398
ВЕРТЕП	475
ЛОНДОНСКИЙ МОСТ	532
ХЭМПТОН-КОРТ	674